

Попов Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия.

e-mail: popalex79@mail.ru

Попова Екатерина Алексеевна, обучающаяся Исторического факультета ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия.

e-mail: kate0312popova@mail.ru

ДЕТСКАЯ КЛЯТВА КАК РИТУАЛЬНО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПОСТСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД¹

Аннотация: в статье охарактеризован феномен детской клятвы в Советском Союзе второй половины 1950-х – 1980-х гг. Показано, что на уровне официальных мероприятий для детей и юношества произнесение символической клятвы (индивидуальной или коллективной) являлось распространенной практикой. Поскольку данный ритуал выполнял перформативную, инспиративную, интегративную и другие полезные для государства и общества функции, то его воспроизводство поддерживалось на уровне массовой культуры, популяризировалось в СМИ, детско-юношеской литературе, кинематографе. Популяризация и романтизация клятвы, как ритуально-символической практики, привели к её распространению и в сфере повседневной жизни и быта, что особенно заметно именно на примере подрастающего поколения СССР.

Ключевые слова: детство, молодежь, пионерская организация, ритуал, клятва, власть, общество, политика памяти, Советский Союз.

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-09-00218.

Popov Aleksei Dmitrievich, PhD in History, Associate Professor Department of Russian history, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

e-mail: popalex79@mail.ru

Popova Ekaterina Alekseevna, student of the Department of History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

e-mail: kate0312popova@mail.ru

CHILDREN'S OATH AS A RITUAL-SYMBOLIC PRACTICE IN THE SOVIET SOCIETY: POST-STALIN PERIOD

Abstract: The article describes the phenomenon of the children's oath in the Soviet Union in the second half of the 1950s – 1980s. It is shown that at the level of the official events for children and youth, the pronouncement of a symbolic oath (individual or collective) was a common practice. Since this ritual had performative, inspiring, integrative and other functions useful for the state and society, its reproduction was maintained at the level of mass culture, popularized in the media, in children's and youth literature, and cinema. The popularization and romanticization of the oath, as a ritual-symbolic practice, led to its spread in the field of everyday life and life, which is especially noticeable precisely on the example of the younger generation of the USSR.

Keywords: childhood, youth, pioneer organization, ritual, oath, power, society, memory policy, Soviet Union.

Ритуалы, связанные с произнесением текста клятвы или присяги², практиковались уже в древности и всегда выполняли важные политические и социальные функции. Исследователи, вслед за Дж. Остином [6], чаще всего

² Большинство исследователей по вопросу об отличии понятий «клятва» и «присяга» придерживаются мнения, что принятие присяги всегда имеет прямые юридические последствия, тогда как произнесение клятвы накладывает скорее моральные и общественные (в т.ч. политические) обязательства.

обращают внимание на перформативные, т.е. побуждающие к действию свойства клятвы в контексте «микрофизики» власти [см., например: 8]. Кроме того, ритуал произнесения клятвы обеспечивает реализацию и других функций: идентифицирующей (указание на социальный статус произносящего клятву), инспиративной (способность воодушевлять, переходить на «высокий регистр» восприятия действительности), декларативной (принятие более или менее четко сформулированных обязательств), интегративной (усиление чувства единства группы) [10, с. 42–44]. В большинстве существующих на данный момент исследований клятва рассматривается преимущественно как речевой жанр, вследствие чего первостепенное внимание авторов уделяется содержательной части текста клятвы. Безусловно, это важный аспект, однако не меньшего внимания заслуживают процессуально-ситуативные контексты: кто, когда, почему и в каких условиях произносит слова клятвы? В данной статье будет предпринята попытка охарактеризовать феномен детской клятвы в СССР второй половины 1950-х – 1980-х гг. через призму политической истории, истории повседневности, а также социальной антропологии.

Наиболее распространенной ситуацией принятия клятвы в советском детстве являлся ритуал принятия в пионеры, хотя в данном случае вместо слова клятва использовался эвфемизм «торжественное обещание». В этом случае церемониал имел явные черты «ритуала перехода» и происходил публично, торжественно, в специально подготовленном для этого и декорированном соответствующей атрибутикой помещении (актовый зал или «ленинская комната» школы, помещение музея, дома культуры). Иногда принятие в пионеры происходило под открытым небом с использованием особо значимых общественных пространств – на главной площади населенного пункта, возле памятников революционным деятелям, героям гражданской и Великой Отечественной войны. Помимо этого прослеживается «календарность» ритуала приема в пионеры: очень часто он был приурочен либо к 22 апреля (день рождения В.И. Ленина), либо к 19 мая (день создания пионерской организации) [11, с. 232].

Торжественность и эмоциональное значение ритуала приема в пионеры особенно возрастало в связи с тем, что помимо детей и уже знакомых им педагогов в нем могли принимать участие и почетные гости – ветераны, передовики производства, депутаты местных советов [11, с. 233]. Например, в мае 1958 г. массовый прием в пионеры в связи с очередной годовщиной пионерской организации был проведен непосредственно на Красной площади в Москве. Один из газетных репортажей так описывал это событие: «Три цвета господствовали в воскресное утро на Красной площади: зеленый, белый, красный. Зеленый – цвет молодой листвы..., белый – цвет ребячьих блузок, красный – цвет пионерских галстуков и знамен. Эти три цвета, переливаясь в лучах не по-весеннему жаркого солнца, по нраву стали цветами большого пионерского праздника Москвы <...> Вместе с ними пришли на праздник те, кого уже величают “старыми пионерами”... Пришли на Красную площадь и старые большевики» [2].

Прием в пионеры, как «ритуал перехода», имел массовый и всеобъемлющий характер – как правило, раньше или позже, но его проходили все советские школьники. Однако существовали также такие клятвы, которые были связаны с вхождением в некую группу, которая могла восприниматься даже более элитарной с идеологической точки зрения. Иногда это было связано с корпоративными традициями учебного заведения. Например, в керченской средней школе № 1 им. В. Дубинина учащиеся проходили посвящение в «дубининцы» с произнесением соответствующей клятвы в которой они брали на себя обязательство «горячо любить нашу Родину, быть готовым встать на её защиту, как юный пионер Володя Дубинин, с честью нести звание дубининца, хорошей и отличной учебой, трудовыми делами продолжать славные традиции родной школы»³. Произнесение клятвы могло быть одним из условий принятия во внешкольное объединение молодежи по интересам. Так, ритуал вступления в клуб «Альбатрос», созданный в Новороссийске в 1960-е гг., происходил в

³ Материалы Музея истории МБОУ «Специализированная школа №1 с углубленным изучением английского языка им. Володи Дубинина» (Керчь).

центре города на Площади героев и включал произнесение клятвы такого содержания: «Здесь, у Вечного огня, могил павших героев, святостью братских могил, синами матерей, радостью Победы клянемся быть достойными бессмертия отцов!» [3].

Начиная с середины 1960-х гг., сначала в Волгограде, а затем в десятках других городов СССР возле значимых памятников и мемориальных комплексов появились постоянно функционирующие пионерско-комсомольские посты № 1. Перед первым заступлением на почётный караул участники таких постов в торжественной обстановке произносили слова клятвы: «Вступая в почетный караул на пост № 1, клянусь до конца дней своих быть достойным памяти погибших за Сталинград, клянусь крепко держать в руках оружие наших отцов – защитников Родины, клянусь стойко, как подобает пионеру и комсомольцу, охранять их покой. Я не уйду с этого поста, даже если моей жизни будет угрожать смертельная опасность. Если же я нарушу клятву, пусть меня постигнет суровое наказание товарищей и презрение волгоградцев» [7, с. 7, 44]. Причем такой чести удостаивались только те учащиеся, которые демонстрировали отличные успехи в учебе, прилежное поведение, активно участвовали в общественной работе.

Помимо этого, широкое распространение в период позднего социализма получили коллективные символические клятвы во время проведения различных публичных церемоний. Произнесение таких клятв было уместно в контексте ежегодных политико-идеологических мероприятий по поводу знаменательных дат общесоюзного или локального мемориального календаря, во время проведения всевозможных детских или молодежных слетов, фестивалей, массовых праздников. В первую очередь они были рассчитаны именно на закрепление чувства коллективной солидарности, а также декларирование преемственности поколений. После знакомства с некоторыми зафиксированными в источниках примерами создается впечатление (сложно установить, насколько оно оправданно), что на некоторых мероприятиях клятва не входила в первоначальный сценарий, а давалась экспромтом, как результат

эмоциональной реакции участников. Описывая одну из встреч севастопольских пионеров с ветераном Великой Отечественной войны их пионерская вожатая сообщала: «Прощаясь с ветераном, Вета Васильева сказала: “Клянемся сделать все, чтобы не было войны!”. И все дружно троекратно повторили: “Клянемся! Клянемся! Клянемся!”⁴» [4].

В некоторых случаях текст клятвы был рифмованным:

По-ленински жить.
Коммунистом расти,
Чтобы новую славу стране
принести
— Клянемся!

Встать рядом с отцами
в едином ряду.
Всю жизнь посвящая
борьбе и труду,
— Клянемся!

Нигде не сбиваться
с прямого пути,
За партией Ленина
твердо идти
— Клянемся! [1].

Но судя по анализу источников, существовали и многочисленные бытовые ситуации произнесения клятвы детьми и молодежью в общении со сверстниками, а также со старшими «ближнего круга» (родителями, педагогами). Этот речевой жанр использовался для того, чтобы подтвердить намерение выполнить какое-то важное обещание или правдивость сообщаемой информации. Такие ситуации были очень распространены именно в советский

⁴ Завершение публичной символической клятвы трехкратным возгласом «Клянемся! Клянемся! Клянемся!» являлось очень распространенной практикой.

период вследствие общей «ритуализации общественной речевой деятельности» [9, с. 76], а также в связи с тем, что подобными примерами были наполнена созданная по канонам социалистического реализма культурная продукция: детская литература, художественные фильмы и т.д. В один из сентябрьских дней 1972 г. 13-летняя школьница Людмила Шилина оставила такую запись в своем дневнике: «Мы с девчонками решили создать команду из четырёх человек. Решили, что будем мальчишкам записки всякие писать и подписывать – 2НЛТ. По первым буквам имен. Целая формула! Вдруг Т. Говорит: “Надо клятву дать!” Но как? Н. придумала: “Кровью расписаться!” Тут меня осенила мысль: “Надо уколоть палец, чтобы пошла кровь, например, у меня и тебя, Т. А потом приложить пальцы друг к другу”» [12].

Дискурсивные конструкции таких повседневно-бытовых клятв, в зависимости от конкретной ситуации и внутреннего мира автора, также могли быть идеологически окрашенными («дать честное пионерское», «честное ленинское» и т.д.). На невербальном уровне слова могли сопровождаться прикосновением к пионерскому галстуку⁵. Впрочем, в качестве символического залога могло выступать и здоровье близких людей («клянусь сердцем матери»), а иногда дающий клятву опускался на более низкий, профанный уровень («гадом буду», «зуб даю») [9, с. 73–74]. Такого рода клятвы могли даваться как в присутствии одного свидетеля, так и в присутствии группы знакомых людей. Безусловно, также имели место клятвы, данные самому себе, как процедура внутреннего диалога, о чем индивид мог рассказать впоследствии или написать в своем дневнике: «Сегодня 4 апреля, хочу дать себе последнее обещание, клянусь матерью родимой, Ирой, что я не нарушу этой клятвы никогда. 1) С сегодняшнего дня заниматься каждый день, каждый час, каждую минуту...; 2) Клянусь не ходить больше на дискотеки по субботам, а учиться, учиться и учиться; 3) Каждый день заниматься в спортивной комнате ровно 1 час; 4) Ни на йоту не отступать от ежедневного расписания...» [5].

⁵ Благодаря чему даже возник фразеологизм «дотронуться до красного», что означало поклясться.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в рассматриваемый период ритуалы произнесения символической клятвы, выполнявшие перформативную, инспиративную, интегративную и другие полезные для государства и общества функции, активно воспроизводились на уровне массовой культуры. Популяризация и романтизация клятвы в советской культуре привели к широкому распространению сходных ритуалов в сфере повседневной жизни и быта, особенно затронув именно подрастающее поколение.

Список источников и литературы:

1. Всегда готовы! // Правда. 1970. 23 апреля.
2. Гвардия юных ленинцев // Литературная газета. 1958. 20 мая.
3. Георгиева Т. Крылья «Альбатроса» // Новороссийский рабочий. 1967. 11 октября.
4. Мерлина В. Воспитание памятью // Слава Севастополя. 1980. 4 апреля.
5. Овсянников И. Запись в дневнике 4 апреля 1982 г. URL: <https://prozhito.org/person/5595>.
6. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. Пер. с англ. Макеевой Л.Б., Руднева В.П. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.
7. Первый пост волгоградских школьников: [Фотоочерк]. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1975. 63 с.
8. Санников С.В. Клятва и присяга как перформативные акты «микрофизики» власти // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2017. № 10. URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5171>.
9. Сидоренко А.В. Детская клятва в советскую эпоху: речевые характеристики // Жанры речи. 2016. № 2. С. 72–78.

10. Сиразиева З.Н. Специфика и средства реализации прагматических функций речевого жанра «Клятва» в русско- и англоязычном общении // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2 «Языкознание». 2015. № 4 (28). С. 41–46.

11. Чуркина Н.И. Ритуал «прием в пионеры» в репрезентациях школьников эпохи позднего социализма // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (35). С. 229–235.

12. Шилина Л. Запись в дневнике 27 сентября 1972 г. URL: <https://prozhito.org/person/7923>